

44 ОКТ 1983

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
РЕЦЕНЗИИ,
ОБЗОРЫ,
ПИСЬМА

П И С А Т Е Л Ь И В Р Е М Я

«Семейный альбом» Михаила Матусовского (М.: Советский писатель, 1983) — первая прозаическая книга известного поэта, чьи стихи и песни хорошо знают и любят читатели. В книгу входят и дневниковые записи времен войны, и автобиографическое повествование о жизни мальчика в южном городке во время нэпа, и профессиональные размышления поэта-песенника о своем ремесле. Здесь же — впечатления от поездок писателя в разные страны.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Фотографии на память

МЕМУАРИСТЫ любят вспоминать о том, как маститый поэт, признанный мэтр, вывел их в люди, помог им сделать первые шаги и опубликовать первую книгу. Мой рассказ будет о том, как Михаил Светлов сделал так, чтобы один сборник стихов не увидел света. Учась в Литературном институте, я и Маргарита Алигер решили написать вдвоем книжку стихотворений для детей. Писать стихи вдвоем вообще-то затея неумная. Вдвоем удобно перетаскивать бревна, вдвоем можно ограничить магазин, но писать вдвоем стихи по меньшей мере бессмысленно. И все-таки мы, по молодости лет, написали сборник стихов, который был ничем не хуже и не лучше некоторых книжечек с картинками, предназначенных для самых маленьких. Недавно попала мне в руки такая книжка-раскладушка, выпущенная издательством «Малыш», в ней были стишки: «Индюк, индючок, расписной сундучок, в голове — бубенчик, в животе — леденчик». Что бы это могло означать? Когда я читал эти стихи вслух, мне стыдно было смотреть в глаза моему внуку.

Поэт ознакомился с рукописью и через несколько дней вызвал авторов к себе. Маргарите Алигер повезло, ее в это время не оказалось в Москве, и весь огонь светловского сарказма я должен был принять на себя. Улыбаясь и лучась одними глазами и все же оставаясь серьезным, Светлов перелистывал нашу рукопись с таким видом, словно не знал, какое ей можно найти применение, приговаривая: «Так, значит, вы решили стать детскими поэтами? Очень хорошо. Вы задумали написать сложное философское стихотворение об улитке: «Улитка, улитка, встань на порошке, высунь рожки». Я понимаю, вам одному было не под силу решить проблему улитки, и для того чтобы написать эти восемь строк, вы пригласили в соавторы Маргариту Алигер. Ну что вам сказать — книжка как книжка. Даже издать

ее можно. Давайте только условимся о следующем: вы возьмете рукопись на несколько дней домой и выкинете из нее семь-десять стихотворений. Любых, каких угодно, на ваше усмотрение. Вы спрашиваете — зачем? Это будет полезно и мне, и вам. Я буду говорить в издательстве, что проделал как редактор большую и вдумчивую работу, снял десять стихотворений и тем самым улучшил сборник. Вы же получите право жаловаться вашим знакомым на редактора, который выбросил самые лучшие стихи, что будет служить для вас некоторым оправданием».

Я поблагодарил Светлова, унес папку со стихами домой и просмотрел их еще раз. И я подумал: позволите, что же это за сборник, если из него безболезненно можно вынуть любые десять стихотворений? Не лучше ли тогда вообще не возвращать сборник в издательство?

Так Михаил Светлов помог нам не предавать книгу печати, за что мы всегда будем ему благодарны.

ПРОШЛЫМ летом побывал я на празднике в Михайловском, где за каждым поворотом дороги можно было ожидать встречи с Пушкиным, и сила внушения была такова, что, хорошо зная все подробности гибели и восстановления пушкинского дома, я все равно ощущал в кабинете поэта запахи нагара от свечей и свежесть льняных простынь, только что посланных Ариной Родионовной, и несколько не удивился бы, если бы музейно-нежилые окна деревянного особняка в Тригорском вдруг осветились изнутри и зазвучала медленная, будто возвращающая что-то давнее, хрупкая музыка клавирина.

Добрый духом всей этой поездки, ее притягательным центром, ее главой и хозяином был Ираклий Луарсабович Андроников. Как он ухитрялся отдавать столько сил и времени любой мелочи — от проблемы размещения го-

стей в Пушкинских Горах до вопросов транспорта, производить каждый раз новую вступительную речь, с большим умением и тактом вести трехчасовой литературный митинг под палящим псковским солнцем и оставаться

приветливым, внимательным, радушным, расположенным к людям, улыбающимся — только бы нашелся для этого малейший повод, — готовым начать очередной рассказ, — как все это успевал он делать — ума не приложу.

В нашем международном караване было два автобуса, и председатель Пушкинского комитета, не желая никого обидеть и обойти вниманием, попеременно проводил время то в одной машине, то в другой. Когда гости заметно заскучали и притихли, убаюканные монотонностью лесной дороги, он решил устроить для них вечер устных рассказов Ираклия Андроникова.

Часа через полтора переводчики умаялись, потеряли голоса и один за другим стали выходить из строя. А Ираклий Луарсабович еще какое-то время продолжал выступление для тех, кто понимал по-русски. Потом наш рассказчик и сам малость притомился, но не хотел так просто сдаваться. Он рассказывал что-то вполголоса, под сурдинку, для своих ближайших соседей в благодарность за их выносливость и верность. Когда и эта часть программы была исчерпана, Андроников стал развлекать себя на иной манер. Он исполнял полностью, начиная с увертюры, целые акты классических опер. Он упивался каждой нотой. Если надо, он был дирижером, если требовалось, становился солистом, хором, а то и большим симфоническим оркестром. Оказалось, что он знает все партитуры на память и при желании мог бы встать за дирижерский пульт. Он был и доктором Фаустом, и Мефистофелем. Диапазон его был беспределен: он переходил с мужского баритона на женское сопрано, дудел и бубукал, бил в медные тарелки, насвистывал на флейте, рыдал первой скрипкой, надувал щеки, имитируя духовые инструменты, и томно занатывал глаза, исполняя арию Маргариты. Если есть драматический театр одного актера, то перед нами была опера одного актера.

242